

ДОНСКОЙ ПИСАТЕЛЬ

№ 2 - 2013 г

Литературная газета Ростова-на-Дону и Ростовской области

Газета издаётся при поддержке министерства культуры Ростовской области

С праздником, дорогие женщины!

Ростовские писатели-мужчины сердечно поздравляют своих прекрасных коллег – представительниц лучшей половины писательского содружества, писательниц-женщин Дона,

С Днём
8 Марта!

всей России, а также всех работниц культуры, науки, образования, всех творческих союзов России с замечательным праздником – Международным женским днём и желают им по-прежнему цвести, украшая наш мир своим присутствием в нём, создавая вокруг себя благоприятную среду обитания мужчин, вдохновляя их на новые подвиги и открытия, ибо только женские желания и потребности вывели людей из пещер и привели к современным цивилизации и культуре.

Всё, что сделано на земле мужчинами, сделано во имя Вас и для Вас, дорогие наши подруги!

Желаем Вам хорошего здоровья, прекрасного настроения и конечно же новых достижений в творчестве: гениальных стихов, выдающихся романов и рассказов, чтобы они неизменно покорили сердца мужчин-читателей.

С праздником, Вас!

3-го марта – Всемирный день писателя!

Правление Ростовского регионального отделения Союза писателей России, редакция газеты «Донской писатель» поздравляют писателей отделения, а также членов Ростовского отделения Союза российских писателей с их профессиональным праздником – Международным днём писателя и желает им

новых творческих достижений, замечательных книг, ощущения собственной нужности российскому обществу, российской культуре.

Пусть этот международный праздник будет вечным символом признания писательского труда во благо культурного развития человечества.

100 лет со дня рождения Сергея Владимировича Михалкова

Сергей Владимирович Михалков родился 28 февраля (13 марта) 1913 года в Москве в семье Владимира Александровича Михалкова и Ольги Михайловны Михалковой (урождённой Глебовой). По версии семьи Михалковых, их родословная связана со старинным дворянским родом Михалковых, усадьба которых частично сохранилась в городе Рыбинске.

Способности к поэзии у Сергея появились уже в девять лет. Его отец послал несколько стихотворений сына известному поэту Александру Безыменскому, который положительно отозвался о них. В 1927 году семья переезжает в город Пятигорск Ставропольского края. В эти годы Сергей начинает печататься. В 1928 году в журнале «На подъёме» (Ростов-на-Дону) публикуется его первое стихотворение «Дорога». После окончания школы Сергей Михалков возвращается в Москву и работает на ткацкой фабрике, в геологоразведочной экспедиции. В это же время в 1933 году он становится внештатным сотрудником отдела писем газеты «Известия», членом Московского группкома писателей. Публикуется в журналах «Огонёк», «Пионер», «Прожектор», в газетах «Комсомольская правда», «Известия», «Правда». Выходит первый сборник его стихов.

В 1935 году выходит первое известное произведение, ставшее классикой советской детской литературы – поэма «Дядя Стёпа».

В 1936 году происходит событие, изменившее всю жизнь писателя. Он публикует в газете «Правда» стихотворение «Светлана», которое понравилось Сталину. Сергей Михалков становится членом Союза писателей СССР в 1937 году, учится в Литературном институте (1935–1937). Публикуются сборники его стихов и басни. Многие персонажи стихов Михалкова становятся нарицательными: «Про Мимозу», «Фома» и другие. В 1939 году Михалков получает первый орден Ленина.

Во время Великой Отечественной войны Сергей Михалков – корреспондент газет «Во славу Родины», «Сталинский сокол». Награждён боевыми орденами и медалями.

После войны писатель работает в разных жанрах детской литературы, создаёт пьесы для детских театров «Весёлое сновидение или Смех и слёзы» (1945), «Я хочу домой» (1948), сценарии для мультфильмов. В 1947 г. он совершил путешествие вокруг Европы на военном корабле «Лена». По его сценариям сняты такие известные фильмы, как «Большое космическое путешествие» (по пьесе «Первая тройка, или Год 2001»), «Три плюс два» (по пьесе «Дикари», 1963), «Новые похождения Кота в Сапогах». С 1956 года Сергей Михалков – редактор журнала «Весёлые картинки». В 1962 году Михалков – автор идеи и организатор сатирического киножурнала «Фитиль».

С 1960-х годов Сергей Владимирович – секретарь правления Союза писателей СССР, 1-й секретарь правления Московской организации СП РСФСР (1965–1970), председатель правления СП РСФСР (с 1970).

После распада СССР С.В. Михалков остаётся во главе писательской организации. В 1992 – 1999 годах – сопредседатель исполкома Сообщества писательских союзов. В 2005 году писатель занимает пост председателя исполкома Меж-

дународного сообщества писательских союзов.

13 марта 2008 года, в день 95-летия писателя, Владимир Путин подписал указ о награждении Михалкова орденом Святого апостола Андрея Первозванного – с формулировкой «за выдающийся вклад в развитие отечественной литературы, многолетнюю творческую и общественную деятельность».

Скончался Сергей Михалков 27 августа 2009 года на 97-м году жизни от отёка лёгких. По

В номере:

С праздниками!
С.В. Михалков – литературная эпоха страны
1 стр.

Владимир Фролов.
Отгудели на астрах шмели...
Стихи
2 стр.

Ольга Губарева
Рождественская сказка. Стихи
Владимир Диклов
Упрямо жду весны. Стихи
3 стр.

Владимир Мостипан.
Донская степь. Рассказы
4 стр.

Алексей Береговой
Храм Литературы
Воспоминания
5 стр.

Валерий Матвеев.
А как живут папуасы?
Взгляд на событие
6 стр.

словам жены Михалкова Юлии Субботиной, Михалков знал, что умирает. Он находился в полном сознании. Его последними словами были: «Ну хватит мне. До свидания». И закрыл глаза.

Википедия <http://ru.wikipedia.org>

Владимир Фролов

Я оттуда,
где ветра гневные
табуны с гиком на буграх,
где с курганов облака седые
смотрят вдаль,
привстав на стременах.
Даль у нас – сквозная, полевая,
песенная вдоль и поперёк.
«По нутрям казацким – гулевая!» –
как мой дед Борис её нарёк.
Травы – во! –
по пояс наши травы.
Глянeshь в небо – дна не видно.
Страх!
А уж этой лирики-отравы –
невпродых! – весной у нас в садах.
Летом солнце хлынет – нету мочи.
Гром ударит – взрыв над головой.
И такие звёзды светят ночью –
каждая с кулак величиной.
По лозе не соки бродят – вина.
У девчонок взгляд – светлее дня.
Если стыд, то – красная калина.
Коль уж боль – колючая стерня.
Всё в моём краю гиперболично:
человек ли,
птаха,
муравей.
Каждый в своём роде – это
личность.
Потому –
казачьих,
брат, кровей!

Природа щедрою была,
Когда меня лепила:
На все телесные дела
Семь фунтов отпустила.
Да где ж ей было больше взять
Живого матерьяла,
Когда уж двести дней подряд
Сынов своих теряла
В огне войны.
И вот – поди ж!
Мела по всем сусекам,
По крохам собирая жизнь,
Лепила человека,
Чтоб жил он, солнышко любя,
Вращался в круговерти,
Чтоб жил и чувствовал себя
Противовесом смерти.

Я полем шёл

Владимиру Фирсову

Я полем шёл.
А было так темно,
как в следственном,
ну, самом «тёмном» деле.
Глаза до рези глядывались,
но
ничего в кромешной тьме не зрели.
Не знаю,
как другой бы тут, а я
не то что песне –
был бы рад и лаю.
Не чудо ли: вокруг свои края;
а, вот, поди ж,
совсем пути не знаю.
Как страшен мир
без света, без людей!
Как темнота рождает подозренья!
Сверну правее иль возьму левой –
дороги нет и нет конца сомненьям.
Смотри. Смотри.
Тут должен быть курган,
за ним овраг, а там и палисады.
Вот-вот сорвётся с привязи пурга –
острей, острее глядываться надо!
Гляжу, гляжу,
как в бездну прошлых лет,
молно, чтоб сил и выдержки
хватило.

Отгудели на астрах шмели...

И вдруг мелькнул жилища добрый
свет,
а до него –
рукой подать и было!

Год спустя...

Сестре Шуре

...Мы ждали, ждали:
старшая ведь дочка.
Тут почта подвела скорей всего.
Но мёртвые не ведают отсрочки –
и мы снесли на кладбище его.

Мы хорошо отца похоронили.
И стар, и мал проститься приходил.
А год спустя я на его могиле
кудрявую берёзку посадил.

Мне виделись особые значенья,
и символы, и смыслы

до конца:
вот вырастет берёзка,
как прозренья
на жизнь, дела и помыслы отца.

Но не сложилась дружба,
не сложилась.
Мне не понять, не объяснить вовек:
берёза ли причиною явилась,
явился ли причиной человек,

но как берёзка, бедная, болела,
всё лето чахла как,
а через год
и вовсе зеленеть не захотела
красавица умеренных широт.

Двум разным душам
трудно было вместе.
А год спустя –
смородина взошла
сама собой, на том же самом месте
и в рост пошла.

Да быстро как пошла!
Неяркая,
с корой немного в проседь,
она весной душисто так цветёт!
И каждый год обильно
плодоносит...
Берёза мне покоя не даёт!..

Дорога Времени

От русского от семени
свой славный род ведём.
Лежит Дорога Времени.
И мы по ней идём.

В весёлой шутке, в плаче ли
родную слышим речь.
Не мы Россию начали,
но нам её беречь.

В дороге, как положено, –
то ливень проливной,
то грязь на снег помножена,
то суховей на зной.

В дороге всё случается.
На то дорога, друг.
То что-то обрывается,
то лопаётся вдруг.

Бывает, задыхаемся,
беря крутой подъём.
Бывает, спотыкаемся,
но главное – идём!

Вперёд глядим, чтоб полнилась
упрямством наша суть.
Назад глядим, чтоб помнилось,
откуда держим путь!

Невзрачный дождичек закапал
и, видно, тут же занемог.
То ль посмеялся, то ль поплакал
и побежал, сбиваясь с ног.

И на углу вдруг заметался –
растерян весь и неумел –
видать, собрать себя пытался,
желал собрать, да не посмел.

А ведь зачем-то он рождался,
благие помыслы имел.
Уж лучше бы не зачинался,
не шебуршился, не шумел,

не убежал – бочком, тревожно,
с самим собою во вражде...
Такое видеть невозможно
ни в человеке, ни в дожде!

Упрёк

Не речка, скорее протока
с забавным названием –
«Штаны».

Камыш, да куга, да осока,
да удочка, да пацаны.

Один
под сухою вербою
удачливый, вижу, сидит.
– А можно встать рядом с тобою?
– А чё ж, становись, – говорит.
Стою.
Хоть бы раз поклевало.
Поймайся, какой-нибудь «псих»!
Он ловит –

сосед мой бывалый,
твердя:
– Рыба зна-а-ет своих!

– Так здесь, – говорю, –
друг сердечный,

когда-то и я проживал.
– Ага, – отвечает поспешно, –
как рыбу ловить,

так ты здешний,
как жить тут –

так в город сбежал.
– Придут, – говорю, – твои сроки –
побродишь и ты по стране. –

Мальчишка взглянул как-то сбоку,
презрительно выдохнув:
– Не-е... –

И я отвернулся невольно,
упрёком зажатый в тиски.

Как точно ударил!
Как больно! –

Аж кровь застучала в виски.
И стало вдруг душно и тесно,
присесть захотелось в тени...
– Сменю, – говорю ему, – место.
– Ага, – поддержал он, –
смени...

Солнце терлось о русское поле,
как телок-сосунок о плетень.

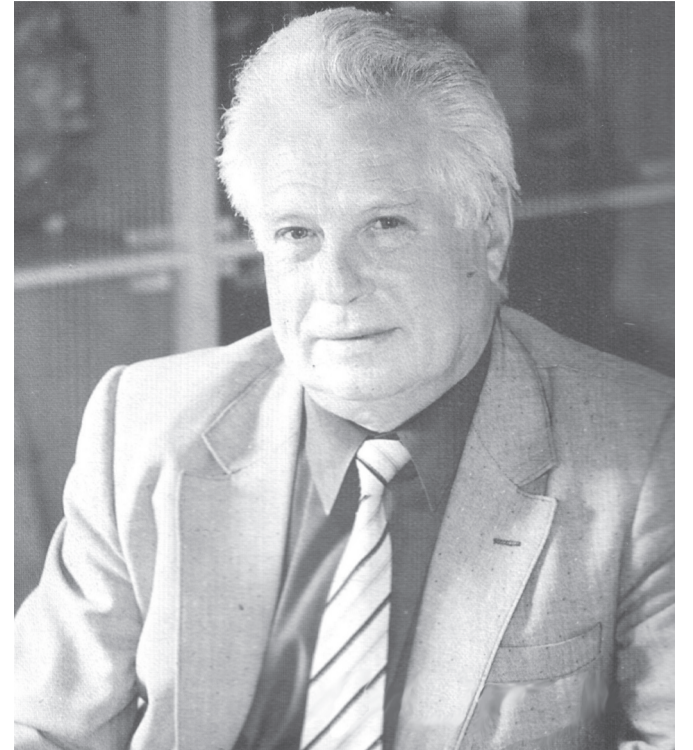
Было столько простора и воли,
что, казалось, не выдюжит день.

В синеве, в закурганном грядущем
так отчётливо виделись мне
запредельные райские кущи,
и остаток пути на земле,

и избыток моей непогодыны –
за две жизни его не изжить, –
всё, что нежная добрая Родина
позволяла иметь и любить.

Грянет ночь. И луна омеднённая
на старинный, не старческий лад
зацелует устами влюблёнными
раскулаченный дедовский сад.

Я и сам целовался отчаянно,
и Господь милостиво прощал

всё, что с умыслом или нечаянно
юным девам в ночи обещал.

Этих клятв накопилось воз, поди,
хоть поклаже уже не расти;
на остатном пути моём, Господи,
ты меня ещё разик прости!

Садилось солнце дряхлое на пенё,
и дух жилища неспешно расширялся.
А обомлевший в потном зное день
как будто новым утром
повторялся.

Но с каждым шагом вечер
вырастал.
На свет валилась тёмная громада.
Последний луч по небу проскакал
и рухнул вниз, туда – в горнило ада.

Туда, туда, где праведным огнём
сжигают грех по высшим
повеленьям,
где мы, в свой срок, так жарко
попыхнём
куда там пересушенным поленьям!

Скажите мне, ответьте: почему
размашисто, как бьют кайлом о
кремень,
обвалы мыслей катят по челу
в глухую ночь, в изломанную
темень?

А вдруг – о Боже! – эта темнота –
острастка нам из чрева
мироздания:
вот клацнет пастью-зевом Пустота
за полноту всеобщего познания.

Отгудели на астрах шмели.
Отгуляли разгульные травы.
Отшумели в груди, отцвели
прожигательной силы забавы.

И душа проскользила вовне
золотых роковых многоцветий.
Так зачем ты на этой земле
пожелания ждешь многолетий?

Оставайся бродягой любви.
Поклоняйся несношенной силе.
Сколько жара пылает в груди!
Пусть всё так ... Но при чём тут
Россия?!

Пролетела вплотную она,
оставляя пунктир пожеланий,
изнемогшая в мыслях страна,
адресат суесловных посланий.

Это что – Божья кара, удел
или призрак акустики вздора?

Я и раньше молиться хотел,
но Господь не призвал к разговору.

Ты, душа моя, кроткой побудь:
может, смыслы укажет картинка,
как весна начинает свой путь
на берёзовой ветке слезинкой.

Рая
Чужой крови – худые кавалеры.
Поп-музыка – гремучая змея.
Кидает в танце Раю,
как галеру
без капитана или без руля.

Какими маяками ей сигналить
и сколько можно добрых жечь
козлов,
чтоб побудить заблудшую
причалить
к потерянному берегу отцов?

Красивая, капризная и злая,
состарившая собственную мать, –
в безделье и разгуле пошлом Рая
стыда не знает
и не хочет знать.

Оплаканная матерью бессчётно,
оплаченная на два дня вперёд,
танцует Рая «чёрт-пойми» чечётку
и дорогие вина с шиком пьёт.

Потом она, блистательная, томно
по нашей новой улице пройдёт
и снова на девчонок всего дома
неслыханную зависть наведёт.

Довольно восхищаться этой
дрянью!
Там, где я рос и где сейчас живут
станичники, друзья мои крестьяне,
таких от века – стервами зовут.

Дровокол

Совершая нехитрое дело,
он над плахой мудрил,
как колдун.
Вверх взлетало весёлое тело,
камнем падал угрюмый колун.

Расщепляясь во имя горенья,
где – осучно, а где – по прямой,
розовато светились поленья,
источая свой дух нутряной.

Дровокол – ремесло не по веку
и доходов совсем не даёт...
Но физический труд человеку
и полезен, и очень идёт!

Чуб вспотел и промокла рубаха.
Восхищала не сила его,
а рискованная тяжесть замаха,
что для дела – превыше всего!

«Лунная соната»

Звучала «Лунная соната»,
И мне явилось чудо днём:
Звенели рыцарские латы,
Горел огонь пред алтарём,

И дева небеса молила
С зажжённой в руке свечой,
Молила с мукою и силой,
Неистово и горячо.

– Любви! – её уста шептали.
– Приди, любовь, – звала она, –
Я без любви уже устала,
Ну, почему же я одна?

О, небо, только на мгновение
Пошли мне счастье страдать.
За миг любви и вдохновенья
Тебе смогу я жизнь отдать! –

Свеча в ладони догорала,
Рассвет маячил впереди,
А дева к небесам взывала,
Молила всё: – Любовь, приди! –

Звенели рыцарские латы,
Тонул алтарь в златом огне,
Звучала «Лунная соната»
В её душе, в моей судьбе.

Соната сквозь века искрилась –
То приглушённой, то ясней...
И о любви душа молилась.
И я молилась вместе с ней!

Ольга Губарева

Рождественская сказка

Зачем ты смотришь январём?..
Январь так пахнет ёлкой,
Когда мы свой стеклянный дом
Разбили на осколки:

Тебе – окошко, мне – конёк
С каёмкой голуною.
Какой горел там огонёк
Вчера для нас с тобою!

Какой вчера там был парад,
А следом – званный ужин,
И сутился маскарад,
Подарками нагружен...

Кто первым пальцем погрозил,
Решив за шпагу взяться,
Кто по бокалам яд разлил –
Что толку разбираться!

Бежали в спешке со двора –
Под звон осколков дома –
Пираты, принцы, юнкера
И золушки, и гномы!

Хрустели, будто сухари,
Осколки под ногами.
Всё – вдрызг и только до зари
Сияла ель огнями.

Рождественская сказка

В краю морозов и снегов,
Пурги и вьюги белой –
Она, как вечная любовь,
В той битве уцелела.

И под январской ёлкой мы
Застыли покаянно,
Среди стекла и мишуры
Любовью осияны.

Бокалы с ядом с маху – в снег,
На половинки – шпаги!
И вознеслись превыше всех
Капитуляций флаги.

С небес светила сквозь года –
Торжественно и ясно –
Не Вифлеемская звезда,
Но, как и та, – прекрасна!

Молитва

Опять задождило, а хлебная нива
Полна золотисто-медовым
наливом,
И клонится колос, исполненный
силой.

Пора убирать, а у нас задождило.

Кому помолиться: природе ли,
Богу,
Чтоб вспомнило солнце на землю
дорогу?..

Страда, а у нас, как назло,
задождило.
Чем, Боже, тебя наша жизнь
прогневила?

Да, стали мы слабыми, жадными,
злыми...

Но прежде мы тоже бывали такими,
И те же, что раньше, нас гложут
заботы,

И так же мы можем любить
и работать.

Утрачено что-то, но что-то
осталось:

Нужда и богатство, подъём
и усталость.

Мы те же, о Боже, в заботе о хлебе
Пошли нам лишь солнце июльское
в небе.

Хочется!

Ясные зори... тёплые ночи...
Серпик луны уголками заточен –
Виснет серьгой на звезде.

С пустоши дальней доносятся
вздохи –
Кони – примета ушедшей эпохи –
Топчут тропинку к воде...

Байкеры – новой эпохи приметы –
Скоростью разворошили планету.
Трудно её удержать!

Катятся судьбы людей сквозь
пространство,
Хочется, хочется им постоянства,
Просто любить и рожать.

Хочется людям добра и уюта,
Если дорог – не смертельным
маршрутом,

Без катастроф и страстей,
Если удач – не в ущерб
отстающим,

Дикторам, новости передающим, –
Светлых хороших вестей!

Хочется!.. Много, чего бы хотелось:
Чтобы людей не покинула
смелость

Правду сказать подлецу,
Чтобы свершилось всё... а, между
прочим,

Ясные зори и тихие ночи
Очень планете к лицу!

В простуженной стране

Будет море – берегом.
Будет берег – морем.
Будет холод – бережным...
А дурак – невозможным!
Р. Рождественский

Захмелела вьюга, что ли? –
Куролесит в белом поле,
Кружит снежный хоровод,
Песни пьяные поёт.
Только кто же будет весел
От её разгульных песен,

Если голос ледяной
Так похож на волчий вой.
Хлещет снег по стёклам окон,
Грустно мне и одиноко –
В мире глупом и больном
Я такой ничтожный гном.
И к тому ж для многих странен,
Словно инопланетянин –
Всё надеюсь, что вот-вот
Образумится народ:
Станет лучше и мудрее
И, о будущем радея,
Так возьмётся за дела,
Чтоб Россия расцвела,
С дураками разберётся
Да дорогами займётся...
Был бы я безумно рад,
Если б всё пошло на лад.
Вот тогда и в холод лютый
Было б мне куда уютней,
Верю, что и холода
Стали б ласковой тогда.
Ох, случится ли такое? –
Не даёт вопрос покоя,
Но упрямо жду весны
Для простуженной страны.

Как будто вырвали звено
Из вечной временной цепочки,
А грешный мир уже давно
Дошёл до нижней мёртвой точки.
От злой ли чьей-то ворожбы
Реальность на куски распалась?..
Над хлипким плотиком судьбы
Безвольно сник надежды парус.

Владимир Диклов

Остался мой причал вдали,
Где я любил, меня любили...
Враги с ухмылкой отошли,
Друзья застенчиво забыли.
Сурова правда бытия –
Закономерна эта драма.
Но разве в том вина моя,
Что верил я в добро упрямо?!
А время не остановить,
Не задержать ни на мгновение...
И остаётся только плыть
Туда, куда несёт течение –
Быть может, к берегу прибьёт,
И пощадит меня ненастье...
Я всё ещё смотрю вперёд –
Ну где ж ты, где ты,
берег счастья?!

Надежда

За прошлое – каюсь
И не пытаюсь
Сделать поблажки себе.
Со всеми грехами,
Как с потрохами,
Сдамся на милость судьбе.

Лишь время ответит,
Что же мне «светит» –
Слава, забвеньё, позор?..
Пусть судит Фемида –
Я без обиды
Встречу любой приговор.

Но он, всё же верю,
По крайней мере
Будет не слишком суров –
А вдруг мне зачтутся
Добрые чувства
В строчках сердечных стихов?

Пока жива поэзия в России

Возможно, я – поэзии романтик,
Её защитник из «последних
могикан»,
Я – слова задушевного фанатик,
А слово – часто тот же хлеб для
россиян.

Упрямо жду весны

Душа России не подвластна ритмам
И рифмам чужеземным,
выспренно-сухим,
Душа российская неповторима,
Никем не познанный народ
неистребим.

Ну что нам процветающие страны,
Не испытавшие несметных наших
бед!..

Мы все поэты
(или графоманы) –
В сентиментальности
нам равных в мире нет.

Уж нас судьба пытала и ломала,
Да только наших чувств
не исчерпать до дна.
Не это ли страну всегда спасало
В отчаянные штормовые времена?

Так дай нам, Боже, смуту
пересилить,
Не дай нам, Бог, надежды
испытать исход!..

Пока жива поэзия в России –
Россия будет жить.
Россия не умрёт.

Я б не помнил ни о чём,
Я б грустил не очень,
Да печаль-река течёт
В осень,
в осень,
в осень.

Я бы всё тебе сказал,
Да не знаю, надо ль –
Вижу: и твои глаза
Тронуты прохладой.
И слова не те, не те –
Чувства неизменны...
Так чего же я хотел –
Лжи обыкновенной?
В светлой роце – ни души,
Только лёгкий ветер
Звонко листья ворошит,
Как мечты о лете.
Над просторами степей

Птичьи стаи кружат...
Что ж поделаешь теперь –
Я тебе не нужен!

Может быть, моя беда
В чём-то поправима,
Только жаль – летят года
Мимо,

мимо,
мимо...

Не отрекаются, любя.
В. Тушинова

Не жалею и не каюсь,
Отрекаясь от тебя.
Отрекаюсь и прощаюсь,
Так отчаянно любя.
Сам себя казнил любовью,
Всё сжигающей в груди.
Я не вынес этой боли –
Ты прости меня, прости!
Что-то так и не сложилось,
Что-то было просто зря...
Всё давно запорошилось
Грустным снегом января.
Нерастрченная нежность,
Словно камень на душе,
Роковая неизбежность –
Как занос на вираже.
Разошлись дороги наши,
Сожжены назад мосты,
И всё призрачней и дальше
Все надежды и мечты.
Утонуло счастье в море
Вдруг нахлынувшей тоски...
Я с судьбой уже не спорю –
Я играю в поддавки.
Будь, что будет – всё приемлю.
Боже, милость прояви –
Дай покинуть эту землю,
Не отрёкшись от любви!

В майском парке

Солнечные песни,
Сказочные сны...
Нет поры чудесней
И милей весны.

Мир пленила зелень –
Торжествует май,
Превращая землю
В настоящий рай.

И в Приморском парке,
Где расцвёл фонтан,
Море красок ярких,
Даже океан.

Майский день приветлив –
Просто благодать.
Взрослые и дети
В парк идут гулять.

Вот уж вечереет,
Тени – на восток,
В липовой аллее
Липкий холодок.

Накрывает город
Сумрака волна,
И всплывает гордо
Зрелая луна.

Аромат акаций –
Как нектар хмельной...
Будут целоваться
Пары под луной.

Как самозабвенны
Трели соловьёв!
И благословенна
Вечная любовь.

Владимиру Мостипану – 75 лет

Владимир Иванович Мостипан родился 24 февраля 1938 года в совхозе «Вторая Пятилетка» Ленинградского района Краснодарского края в рабочей семье. В 1955 году окончил 10 классов средней школы. С 1956 по 1959 годы учился в ростовском горно-строительном техникуме, который окончил, получив специальность техника-шахтостроителя.

С 1959 по 1966 годы работал на Крайнем Севере в г. Воркута на должностях газомерщика, мастера вентиляции, горного мастера.

С 1960 по 1963 годы служил в погранвойсках Дальневосточного пограничного округа в Хабаровском крае.

С 1963 по 1986 годы работал в строительных организациях Краснодарского края в ст. Динская, г. Славянск-на-Кубани, ст. Кушёвская, г. Гулькевичи, пройдя трудовой путь от мастера до начальника управления.

В 1973 году заочно окончил Краснодарский политехнический институт по специальности инженер-строитель. С 1986 по 2003 годы снова работал на Крайнем Севере в Тюменской области в организациях нефтегазового строительства на должностях главного инженера, начальника ОКСа, начальника ПРО трестов «Арктиктрансгазстрой», «Надымгазпромстрой» акционерного общества «Арктикнефтегазстрой». Принимал непосредственное участие в освоении «Медвежинского», «Ново-Уренгойского», «Ямбургского» «Юбилейного», «Ямсовейского», «Заполярного» газо- и нефте-газоконденсатных месторождений. Заслуженный строитель отрасли, ветеран Севера, ветеран труда. С 2004 года на пенсии. Проживает в Ростове-на-Дону.

Творческий путь начинал с публицистики, являясь редактором стенной печати от школьных лет до учебных заведений. Регулярно печатался в армейских газетах, а после армии в районных и краевых периодических изданиях. Художественные произведения начал писать с семидесятых годов. Активное творчество началось на Крайнем Севере. Уникальная природа, экстремальность, масштабность происходящего побудили писать не только прозу, но и стихи. Регулярно печатался в периодической печати Надыма, Ямало-Ненецкого национального округа, Тюменской области. Также в журналах «Надым», «Свет», «Фактор», «Северяне», «Ямальский меридиан», в газете «Литературная Россия», в альманахах: «Окно на север» (1992, 1997, 2002 гг.), «Обская радуга» (1999). С 1986 г. – член Литературного объединения «Надым» и с 1998г. – член Общественной писательской организации «Литератор Ямала».

Участник в 2000 и 2002 гг. семинаров Тюменской региональной организации Союза писателей России. На последнем рекомендован в члены Союза писателей России, в который принят в 2004 г.

Справочник «Дон литературный»

Владимир Мостипан*Донская степь*

К сожалению его уже нет. Никак не думал, что по национальности он армянин. Больше был похож на очень поджаренного южного солдана туркмена. Имя русское. Иван. Зато казаком был, каких и сейчас, когда казачество набирает силу, не сыскать. Дома держал лошадь и ослика. Очень ухаживал за ними. Что касается сбруй, линейки и бедарки, то всё было в красочно разукрашенных и навешанных «вензелях» и «позументах». Иван на площади Карла Маркса частенько за деньги, конечно, катал детишек на линейке, запряжённой лошадей или бедарке, тягловой силой которой был ослик. Для ростовчан, живущих в других районах города, диковинные упряжки со спокойно и с достоинством сидящим возницей казались чуть ли не экзотикой и вызвали неподдельный интерес. Иван, теперь это очевидно, имя, трансформированное с армянского, старожил Нахичевани. На Н-ской линии жил с незапамятных времён. Видел ещё захудалую, одноэтажную, почти деревенского типа, нахичеванскую улочку, а посему было о чём рассказать, так как являл собою свидетеля её становления в более или менее городскую составляющую. Любимым занятием Ивана были посиделки на выносной скамеечке на улице. Сидел подолгу. С ним уважительно здоровались и стар, и млад. Наиболее знакомые задерживались, чтобы посудачить о текущей жизни, о политике и ещё о многом. Обозревая улицу, Иван точно знал, где и на чьих придорожных газонах растёт зелёная травка. Частенько с косою и мешком его можно было видеть у газона наиболее нерадивых хозяев. Накосив травки, угощал ею лошадку и ослика.

За долгие годы пребывания на северах я ужасно соскучился по родным южным местам, особенно по степным просторам и степи, как таковой. Когда северная эпопея закончилась, а местом жительства был избран Ростов, первым делом решил обиходить уличный газон. На нём уже росли, посаженные мною клён и липа, но ввиду их пока малости, на свободной части газона решил воссоздать, хотя бы частично, подобие донской степи. Для души, конечно. То есть засеять газон семенами степного разнотравья. На не тронутых целинных клочках земли Зелёного острова, когда созревали, пригоршнями «сошмаргивал» семена. Все подряд. Это были: донник, тысячелистник, пижма, конский щавель, осот, овсюг, мятлик луговой, полынь, коровьяк, татарник и даже бодяк обыкновенный... Сажал по принципу: сею, вею, посеваю. Иными словами просто раскидывал, как когда-то землепашцы – пшеницу на полях, по грядке. Где можно было «бороновал» граблями, упоая на благодатный донской чернозём. За моими действиями молча наблюдал Иван. Недоумевал, что я делаю, но не спрашивал. Между нами не было неприязни, но и дружбы тоже. Ивану я дважды давал фактический отлуп. Первый раз, когда снял кирпичную облицовку дома и не дал ему бзущного кирпича, он мне самому был нужен для будущей забутовки. Второй – когда перестилал шифер. Бывшего в употреблении, тоже не дал. Требовался ремонт сарайной кровли. С тех пор и холодок. Но здоровались, не сближаясь. Кивками.

Через год цепучие дикоросы взошли, а потом и вымахали в настоящий луг. Очень зелёный. Манящий. На степные травы заглядывались многие. Не понимали, зачем здесь, по их мнению, растут сорняки. Не выдержал и Иван. Как-то подошёл. «Зачем Вам будяки, – безапелляционно заявил он, – для лошади травка самая подходящая». «Не будяки, – парировал я, – а культивированная мною донская степь». «Не знаю как Вам, а мне такое разнотравье лучше всяких культурных газонов. Душа моя отдыхает, на всё на это глядячи». Иван с удивлением и неудовольствием слушал мою тираду. «Что Вы находите. Бурьян, он и есть бурьян. Очень жаль. Кобылке бы пригодился». С тем удалился.

Прошли годы. Ивана уже нет. Наверное, он и с небес наблюдает за «чудаком» и его детищем. Моя же донская степь, несмотря

на то, что деревья подросли, укоренились по-прежнему радуется своим жизнелюбием, своим по весне зелёным окрасом и цветением, тем, что привлекает массу насекомых. Газоны пришлось огородить. Проходящие же мимо горожане неизменно смотрят на странный газон. Иные останавливаются. Иные спрашивают, уже не зачем всё это здесь растёт, а как называется то, или иное растение. Иные просто любуются. Донская степь...

Посрамлённое чувство

Прекрасные ягодицы мельтешили так, что рябило в глазах, локти работали, как шатуны паровоза под воздействием поршней, а ноги и вовсе слились с окружающей средой. Их не было видно, как и крыльев бабочки во время полёта. Она бежала по спринтерски, изо всех сил, уже опередив всех. Казалось, какая-то неведомая сила влекла и влекла вперёд, чтобы достичь цели. Увы! Цель оказалась весьма прозаической. Заброшенный, а может быть, и нет, совхозный виноградник, что на горе, рядом с курортом...

Турпоход. Его предложили желающим по небольшому кругу. Сначала вдоль моря, потом по горам, порою весьма крутым, потом по кавказским лесным чащобам. В общем, пешая прогулка с весьма солидными препятствиями. Публика разная. Одежда тоже. Кто в спортивном костюме, кто в шортах, кто в брюках и безрукавках, а кто и в приличных костюмах. Она сразу же бросилась всем в глаза из-за своего откровенного вида. Пляжные трусики стрингерского типа, бюстгальтер еле-еле прикрывающий то, что под ним, тапочки. Всех конечно привлекала не сама более чем скромная одежда, а скорее всего, что под ней. Хотя каждый, скользя по её изящной фигурке, и так без особого труда дорисовывал, что под незамысловато-вызывающей одежкой. А теперь представьте, что это чудесное создание преодолевает препятствия. У мужчин мочи не было смотреть, как она, манипулируя своими прекрасными формами, одолевала кручи и спуски. Позы порой были такими невероятными, такими откровенными, что у сильной половины человечества текли слюнки. Одним словом для мужчин не путешествие, а невообразимые испытания. Молодая женщина была с мальчиком лет пяти-шести. Бог ты мой! Сколько оказалось добровольных помощников. Особенно один. Он буквально прилип к ней, выполняя её любые намерения, а мальчика частенько таща на себе. Наконец, добрались до пологого нагорья. Там была дорога и обширный виноградник. Когда к нему приблизились, и началась спринтерская гонка. У красавицы в руках оказалась тряпичная, весьма вместительная сумка. Она, всех обогнав, начала лихорадочно рвать виноградные «гронки». Зашёл в виноградник и я. Сорвав несколько гронок, сложив их в руку, стал не спеша есть, наблюдая, конечно же, за ней и за её «ухажёром». Последний, держа мальчика за руку, как бы опешил от того, с какой прытью его платоническая пассия понеслась к дармовщинке. Конечно ему, как и многим, стало неловко. Он остановился у кромки виноградника, сорвал две гронки, одну себе, другую мальчику. Оба стали спокойно есть. А предмет обожания многих, по стахановски наполнив сумку, уже выходила на дорогу. Что ухажёр?! Взял из её рук тяжёлую сумку и понёс груз до самого посёлка... Я-то знал, что у этой особы есть муж, весьма крупный, меланхоличный «мордворот». Для него она и старалась.

Лацуха

Когда-то КРУ (Краевое Ревизионное Управление) навело ужас на хозяйствующие субъекты. Ну, хотя бы тем, что имело право самостоятельно налагать штрафы на руководителей до трёх должностных окладов, а это, по тем временам, согласитесь, не мало. Случилась проверка КРУ и в организации, которую я воз-

Рассказы

главлял. Приехал мужичишка, плюгавенький, в летах, низенький ростом. Ревизор прибыл как раз к обеденному перерыву. Ему естественно устроили не то, чтобы очень, ибо ещё не знали чем он «дышит», но, достаточно обильный по калорийности обед. Не обошлось с его разрешения и без рюмки. Ревизор выпив, немного расслабился и тут же прямо за обеденным столом вынул от руки начерченный на бумаге чертёж, сопровождаемый каким-то текстом. «Что это?» – вопрошали мы. «Лацуха» («р» он не выговаривал), – ответил ревизор. «Что Вы говорите», – заискивающе дружно подали голос все. Ревизор начал излагать суть своего предложения. Каждый из сидящих, с принимаемой стороны, про себя отметил, что предложение, элементарная банальщина. Однако «высоко» оценили предложение. На том это, увы, не закончилось. Ревизор был опытен, умён, вездлив. Поскольку ему создали комфортные условия и не только в еде, ревизию он вёл демократично. Найдя нарушения, неправильности или неточности, он тут же приглашал заинтересованное лицо и по-садиетски «размазывал» виновника. Остальным только и оставалось, ещё почтительнее заглядывать в его глаза и благодарить за преподанные наглядные уроки, начальнику ещё больше делать акцент на улучшение бытовых условий его пребывания. Проверка длилась около месяца. Мы с ревизором почти подружились. Между нами установилась эдакая межчеловеческая идиллия. По окончании ревизии, пригласил весь аппарат для зачтения вердикта проверки. Прослушав акт, всех охватил чуть ли не ужас. Несмотря на наши чуть ли не клятвенные заверения, что подобное больше не повторится, ревизор скрупулёзно внёс в акт все допущенные прегрешения. Воцарилась тягостная тишина. Я, дабы разрядить обстановку, задал дежурный вопрос, а именно: всё ли понятно. В ответ, продолжающееся молчание. Потом попросил всех удалиться. У ревизора спросил: «Зачем Вы так? Мы же Вам внимали, многое тут же исправляли и вообще были благодарны за «науку». Ревизор, нисколько не смутившись, ответил: «А лацуха». «Бог ты мой! Да надо было оформить его предложение и выплатить гонорар», – пронеслось у меня в голове. «Вы знаете, мы действительно серьёзно отнеслись к вашему предложению. Оно действительно заслуживает внимания. С вашего позволения мы сейчас же его оформим», – продолжил я. «Не возражаю», – был ответ. Получив «законное» вознаграждение, ревизор подобрел и акт в приемлемой форме переписал. Проводили его с «почестями». А он уехал в другую организацию всё с той же «лацухой».

Божий одуванчик

Очень ей уж надоели каши, кефиры, молоко, даже хлеб насущный. Бульончика захотелось, да ещё с куриной ножкой. А где их возьмёшь при такой пенсии. Значит, надо сделать «парадный» выход. Нет, не в ресторан. В обычную столовую.

Она – очень интеллигентная, чопорная старушка. Бывшая актриса, наверное. Очень ухоженное, немного морщинистое лицо. Чуть-чуть подкрашенные губы. Ещё живые, умные глаза. Одета изысканно, но старомодно. Светлый, когда-то очень модный, макинтош. Шляпка, времён первых послевоенных пятилеток.

Старушка вошла в столовую. Чтобы поздравить, то есть поесть аппетитного куриного бульончику. Ну и съесть на второе куриную ножку. Заодно на людей посмотреть и себя показать. Чинно и благородно старушка стала в очередь и, когда подошла к раздаче, испросила бульончику пол порции и желанную ножку. На её лице уже было написано удовлетворение от откушанья столь желанных блюд, и даже эдакое превосходство, возможно над самоё собой. Постояв некоторое время с подносом, она выбрала свободный, никем не занятый чистый столик. Неприятная публика иной раз так неряшливо ела, что к столам порой было

Алексей Береговой

ХРАМ ЛИТЕРАТУРЫ

Воспоминания о Ростовской писательской организации

В этом году исполняется 90 лет Ростовской писательской организации Союза писателей СССР, правопреемником которой является Ростовское региональное отделение Союза писателей России.

Всё дальше в глубину прошлого уходят от нас те годы, когда родилась и начала действовать наша писательская организация, те люди, которые составили её основу, творчество которых создало её славу, те имена, появившиеся на Донщине и прогремевшие не только на всю огромную страну, но и на весь культурный и литературный мир.

Я не стану перечислять эти имена сегодня, задача у меня несколько иная. Идея вспомнить о писателях Ростовской областной организации, о том, что было связано с ними, на страницах нашей газеты в преддверии юбилея пришла спонтанно, но властно, и редколлегия газеты попросила тех писателей, которые тем или иным способом были связаны с прошлым организации, которым есть что вспомнить и рассказать о ней, о её членах, написать такие воспоминания на личной, не научной основе, в популярной форме и опубликовать их в газете. Для молодых писателей. Для литераторов. Для читателей. Для потомков. А может быть, и для представителей власти Ростовской области. Потому что наша, Ростовская писательская организация – одна из самых старейших в стране. К примеру, в декабре прошлого года краснодарцы широко отметили 65-летие своей организации, а омская организация перешагнула свой 50-летний юбилей.

Так получилось, что начинать эту серию очерков пришлось мне: предстояла задача написать о том, что помню я лично. Как мне кажется, самым правильным будет начать с того, без чего Ростовская областная писательская организация уже не мыслится – с ХРАМА ЛИТЕРАТУРЫ.

Сейчас я уже точно не помню, когда в первый раз перешагнул порог этого Храма на улице Пушкинской 114 – было это во время председательства Петра Васильевича Лебеденко, значит, самое позднее – это лето 1985 года. Переступил и испытал трепетный душевный восторг, какой испытал позже ещё только один раз.

Представьте себе, что вы, начинающий писатель, встаете с насиженной литературной молодежью деревянной скамьи на улице Пушкинской напротив Дома писателя, пересекаете узкую проезжую часть и идёте к Храму. Перед вами решетчатые ворота в невысоком металлическом заборе, на оштукатуренном кирпичном пьедестале, металлическая, под бронзу, доска на одной из воротных тумб, на доске – рельефное название Храма: «Союз писателей СССР. Ростовская областная писательская организация».

За воротами довольно просторный двор – явление редкое для центра Ростова-на-Дону, в центре двора вас встречает взлетающий в небо Пегас и всё: вы, поймав взглядом его полёт, в его власти, вы понимаете куда попали, куда идёте, вы готовы ему служить беззаветно, лишь бы он сам не отверг вас, не обошёл своим вниманием. Испытывая первый приступ душевного трепета, вы идёте дальше. Справа просторная полуротонда, в которой вам ещё предстоит сживать и за бутылкой вина под чтение стихов, и просто так, слушая рассказы маститых и обсуждая произведения начинающих.

Дальше вас встречает широкая парадная лестница с просторной террасой жёлто-белого двухэтажного здания, обхватившего своими крыльями большую часть двора. На террасу выходят окна-двери просторного актового зала здания писательской организации.

Направо входная двойная дверь в здание, вы перешагиваете порог, осторожно прикрываете за собой створку двери, и ваше дыхание на секунду замирает, потому что ваш взгляд упирается в огромный «иконостас» на всю, противоположную входу, стену – перед вами большие художественные портреты

неприятно подходить. К нему и направилась. Поскольку мешали хаотично расставленные стулья, старушка, медленно лавируя, обходила их. Поднос несла очень осторожно. Не дай бог пролить столь долгожданное содержимое тарелки. Наконец, добралась до облюбованного столика. Ей предстояло снять содержимое с подноса, отнести поднос и, лишь потом, приступить к трапезе. В это время, пообедавший за соседним столиком, неопрятно одетый мужчина, не видя старушку, резко встал. Нет! Поднос не был выбит из рук старушки. Его содержимое в мгновение ока оказалось на полу. Добро бы слетело. Так нет. Супчик падая, пролился на макинтош, измазав его жирными пятнами. Мужчина между тем, глянув на побелевшую женщину, не извинившись, шагом скорохода вышел из столовой.

Поставив на стол поднос, старушка некоторое время находилась в состоянии прострации. Трудно было представить, что чувствовала в этот момент старая женщина. Ещё некоторое время постояв, она медленно, как бы никого и ничего не видя, вышла из столовой. Праздник был испорчен. Безнадёжно.

всех писателей – членов Ростовской областной писательской организации. Вы читаете подписи под портретами и видите очень знакомые имена, владельцы которых вам известны по прочитанным произведениям, по материалам прессы или ТВ. И первая мысль о том, что, неужели все эти люди здесь обитают?

Я не знаю, сколько там было портретов, но уж точно больше трёх десятков. (Тогда в РСФСР было только пять писательских организаций с численным составом более 25 человек: московская, ленинградская, ростовская, свердловская и дагестанская. Они имели своё правление, свой Устав. Все остальные (до 20 человек) имели статус отделения). Фамилии писателей на «иконостасе» не привожу, пришлось бы перечислять всех и кого-то упустить, могу только сказать, что из ныне здравствующих писателей нашей организации тогда там были Игорь Кудрявцев, Николай Оганесов, Василий Воронов, да теперешний москвич – Аршак Тер-Маркарян, из российских – Николай Скребов, Николай Егоров, Игорь Бондаренко да Наталья Суханова.

Ростовские писатели на парадной лестнице своего дома (слева направо): Василий Воронов, Василий Гнутов, Николай Оганесов, Владимир Зоткин, Леонид Дьяков, Анатолий Загорный, Александр Кравченко, Алексей Коркищенко, Геннадий Селигенин, Анатолий Ансимов, Владимир Потапов, Геннадий Сухорученко, Игорь Кудрявцев, Алексей Береговой.

Это были разные по уровню одарённости, известности – учитывая их звания, ордена и прочее, – и возрасту служители культуры литературы, но одно их объединяло: все они были **настоящими писателями**, культурной элитой Ростовской области, принадлежали к культурной элите страны, и потому все они пользовались особым уважением в обществе, в государстве и среди простых людей, – в то время трудно было найти какую-то другую профессию, которая была бы почётнее профессии писателя. Они жили, как писатели, работали, как писатели, вели себя, как писатели. Однако, как говорится, почёт должен быть заслуженным, потому и обитала в этом доме высокая школа русской литературы. И до сих пор имена наиболее выдающихся писателей-дончан – есть предмет особой гордости и властей, и общественности, в их домах и усадьбах организуют музеи, проводят литературно-фольклорные праздники, их именами называют улицы городов и станиц.

Справа от входа гардероб, за стойкой которого, несмотря на лето (некоторые писатели имели привычку носить шляпы и ходить с тростью), сидела тётка и смотрела на меня. Не зная ещё, что таких, как я, она видит часто, но принимая её абсолютную причастность к писательскому Олимпу, я спросил у неё, кажется, где найти литературное объединение «Дон»?

– Спроси у секретаря, – ответила тётка и, ткнув пальцем в направлении двери слева от меня, потеряла ко мне интерес.

Укрощая волнительное дыхание, я потянул ручку двери на себя.

Прошёл через просторный актовый зал – со сцены на меня смотрел огромный портрет М.А. Шолохова, (который и сегодня висит в кабинете председателя правления ростовской писательской организации), – к двери с табличкой «Председатель правления», осторожно постучал. На ответ «Войдите» открыл дверь.

За столом с телефонами и пишущей машинкой сидела молодая миловидная женщина – секретарь правления Алла Георгиевна Варлагина, ныне здравствующая, и дай ей Бог здоровья и многие лета! Она вопросительно смотрела на меня.

Как оказалось потом, Алла Георгиевна была уникальным, не простым секретарем председателя. Она знала всё о поколении писателей, их женах, семьях, делах, она просто участвовала в их жизни и по праву была членом большой писательской семьи, хотя в Союзе писателей не состояла. Подавляющее большинство писателей называло её, как родную,

просто «Аллочкой» и в таком обращении к ней было всё: и любовь, и уважение, и признание её нужности организации, её незаменимости.

О чём я её тогда спросил, уже не помню, но бесстрашно позволяю допустить, что, может быть, с той минуты у нас с ней на долгие годы установились дружеские отношения.

Петра Васильевича Лебеденко я в тот раз не видел. Возможно, он еще не пришел, а возможно, и был на месте, но проскочить в кабинет председателя мимо Аллы Георгиевны просто так не получилось бы, – всё-таки руководитель областной писательской организации, писатель-лауреат Госпремии, член бюро обкома партии. А подходящего повода для встречи у меня не было. Ещё...

Не видел я тогда и заместителя председателя, поэта Геннадия Анатольевича Сухорученко, кабинет которого находился на втором этаже, пройти в него можно было через просторную гостиную с камином, мягким диваном и креслами, журнальными столиками, с картинами на стенах, с полами, устланными пушистыми коврами. В углу гостиной красовался большой бюст Михаила Александровича Шолохова (который сейчас тоже стоит в тесном кабинете председателя Ростовского отделения СП России).

Напротив кабинета заместителя председателя правления, через приёмную находились Ростовское отделение Литературного фонда СССР во главе с его директором, поэтом-сатириком Борисом Сергеевичем Козловым, а также бухгалтерия писательской организации с главным бухгалтером Тamarой Михайловной Стуловой.

А в самой приёмной располагались рабочие столы ответственного секретаря писательской организации, поэта Владимира Иосифовича Фролова и литературного консультанта, тоже поэта Аршака Арсеновича Тер-Маркаряна.

Вернувшись из гостиной, напротив лестницы на первый этаж вы увидели «Бюро пропаганды художественной литературы», которую возглавлял тогда Василий Измайлович Карабанов, – поездки по области и выступления перед читателями в то время были непременной составляющей жизни писателя.

За третьей дверью в фойе первого этажа находились уникальная писательская библиотека, в которой за долгие годы были собраны книги с автографами практически всех донских писателей, и «Всероссийское добровольное общество книголюбов».

Вы подумаете: «Зачем он тут расписывает нам планировку здания, кому это нужно?» А затем, что уже многие никогда не смогут его увидеть изнутри, потому что это уникальное здание, построенное ещё известным на Дону промышленником Парамоновым для своего сына, в 1998 году было основательно перестроено под «иные нужды» и, возможно, что сегодня прежняя планировка сохранилась лишь в памяти, видевших её, людей.

После первого посещения этого Храма, вы выходили во двор, снова смотрели на летящего в небо Пегаса и переводили дух, ощущая сбыточность несбыточного, своего собственного приближения к Богине – ЛИТЕРАТУРЕ. Хоть на шаг, пусть небольшой, но всё же...

Вот таким был Храм литературы, в котором «служили» члены Ростовской областной писательской организации. Скажете, какие-то сказки нам преподносят, какую-то фантастику. Сегодня, если посмотреть на нашу писательскую организацию с девятидесятилетним стажем, всё сказанное выше покажется фантастикой. Но ведь, если бы можно было развернуть время наоборот и рассказать тем писателям, обитателям Храма на улице Пушкинской, как живёт, нет, выживает сегодня, одна из старейших в стране, но и одна на всю Россию лишённая государственной поддержки областным законом об общественных организациях, их писательская организация, они бы тоже не поверили, сочли бы это за сказку, приняли бы за фантастику. Но, вероятно, уже за чёрную. Или за мрачную, злую шутку. Только: и то, что было, и то, что есть – прошлые и нынешние реалии. Наверное, очень скоро Ростовская область будет лишена возможности гордиться новыми писательскими именами.

Я рассказал о доме ростовской писательской организации, опираясь на личные впечатления от знакомства с ним почти тридцатилетней давности. Может, читателю что-то понравилось, может, что-то нет. Но не на это делался авторский расчёт. Главное, сохранить память об организации тех лет, о людях, составивших славу донской литературы, имена большинства из которых, к сожалению, молодое поколение литераторов уже не знает.

В следующей очерке я постараюсь рассказать о писателях, с которыми мне посчастливилось общаться.

Алексей Береговой, член Союза писателей России.

Взгляд на событие

А как живут папуасы?

По страницам нового романа Фёдора Германа «Весёлые лопари» или подарок к юбилею себе любимому

«— Я очень хотел свою последнюю книгу «Весёлые лопари» издать к своему юбилею, — рассказывает Фёдор Трофимович Герман...» (Газета «Наше время» №№ 37 — 39 от 1 февраля 2013 года)

Сообщение наполнено желанием газеты пожалеть, обиженного автора, которому не удалось сделать себе подарок к юбилею. Речь идёт о новом романе Фёдора Германа с интригующим названием «Весёлые лопари», и сразу же захотелось прочитать роман. Найти удалось только электронную версию, читаем...

Увы, сразу можно сказать, что роман после прочтения оставляет гнетущее впечатление. Прежде всего, вызывает недоумение это самое «интригующее», но фактически нелепое название произведения. По утверждению автора: лопари — это по-местному большие «лопухи», (по-современному «лохи»), хотя общеизвестно, что «лопари», «лоплиане» или «лоп» — русское название малочисленного финно-угорского народа саамов, который большей частью проживает в Норвегии, Швеции, Финляндии и в Мурманской области России. Отсюда — «Лапландия», то есть земля лопарей.

Начало романа вроде занимательное и стиль узнаваемый: явно просматривается украинский колорит, некоторых произведений Николая Васильевича Гоголя, но, к сожалению, это только жалкие потуги на манеру письма великого русского классика. Чувство схожести появляется от пересыпанной словами из украинской «мовы» — речи героев и персонажей повествования, которое протекает в наше время на границе России и «незалежной» Украины (видимо, там тоже живут саамы), но здесь у автора явный перебор. Вот, к примеру, образец прямой речи:

«— Мы всі маємо: тоді зирки, щас — крысты, кожному часу — своя користь. Шо ты заторохтив, пусти-пусти...»

Как видите, пёстрая смесь двух языков, чтобы понять сказанное, русскому читателю потребуется словарь или переводчик.

Довольно сложно уследить за сюжетными перипетиями романа, действиями героев, потому что сюжета как такового, — нет. Автор широко и щедро «растекается мыслью по древу» повествования, и, начав с одного, тут же перескакивает на другое, затем на третье, четвёртое... Начинает порой «за здравие», а заканчивает — «за упокой». Подробно описывает всякие хохмы и небывлицы, затем идёт история в истории, которая случилась, к примеру, с кумой главного героя, и так далее... Роман состоит из беспорядочного наизывания друг на друга всевозможных баек, анекдотов, курьёзных случаев, местных легенд и деревенских мифов. Автор подробно описывает все детали, обстановку, чуть ли не каждый камешек на дороге, едва ли не каждый вдох и выдох персонажей. В конце концов, уже забываешь, с чего всё началось и ждёшь только — когда же закончится?

Внимательно прочитав несколько десятков страниц, постепенно забываешь, о чём в книге написано, начинаешь думать совершенно о другом. Не запоминаются имена героев и персонажей. Всё время преследует вопрос: зачем автор это сотворил? Какую новую, грандиозную идею хотел выразить? Какую животрепещущую проблему разрешить?

«В пятистах метрах от того места, где... расположился ещё один нештатный таможенный пост... в просвет лесополосы вы увидите большое поле, невысокий пригорочек, и на нём буינו произрастающие сорняки. Земля здесь жирная, плодородная».

Описания, конечно, нужны, чтобы читатель наглядно видел картину происходящего. Но когда подобные газетные нагромождения изобилуют чуть ли не на каждом шагу — получается уже обратный эффект.

Кажется, что писатель специально ходил по местам событий и скрупулёзно заносил в блокнот всё, что видел. А для того, чтобы накопить массу историй и баек, думаю, нужно с журналистской дотошностью, опрашивать местных жителей, стенографически фиксируя всё, что услышал, переворачивать груды журналов и газет.

Вот анекдотический случай, когда хозяйка застала своего постояльца, шофёра-дальнобойщика, за занятиями йогой и решила, что он допил до чёртиков:

«Прямо перед собой она увидела подобие человека... Оно размещалось на небольшом коврик. Вместо ног у него были руки, вместо ступней — ладони. Да-да, оно стояло на руках. Обе ноги запрокинуты за шею и покоятся на затылке...»

Не брезгует автор и явными базарными сплетнями, да и прочим словесным мусором, включая нецензурные выражения, — что обычно травят во время обеденного перерыва подвыпившие работяги: «Дурака любить, только х.. тупить!», или — «п..да хлопает в ладоши». Да и где ещё можно услышать такие, например, слова и выражения, как: «Мухосрамск», «прихватизаторы сраные», «хрен забили», «мозги — не дерьмо», «прогалятина», «ишиалканём», «слыгались», «транскрибировалось» и тому подобное. Автор, явно, никогда не читал Библию, иначе не написал бы такого: «Времена настали! Скоро будет, как в писании сказано: хочешь воевать с соседом, заведи индюков...» Нет в Писании таких слов! Видимо, автор считает, что вправе корректировать

Священное Писание.

Оказывается лейтмотивом всего романа является мысль о том, — какая прекрасная, расчудесная жизнь была при Советской власти и какая чудовищно мерзкая власть нынешняя. На Советской власти ни единого серого пятнышка — там всё идеально, ну а нынешняя власть, конечно же, без малейшего просвета, исключительно чёрная, как сажа. И вот тут остаётся непонятным: если всё было так хорошо, то отчего тогда наш, исключительно правильный и умный, по мнению автора, народ взамен хороших генсеков избрал мерзких «Алкониана» и «Злющенко» (персонажи романа). И это уже вопрос не праздный, а очень сложный, и чтобы найти ответ, нужно уметь глубоко мыслить и сопереживать.

На мой взгляд, истина в том, что каждое время по-своему и прекрасно, и трагично, но чтобы показать это и хотя бы попытаться во всём многообразии красок увидеть нашу эпоху, надо иметь и большое мужество, и большой душевный труд. Автору это оказалось не под силу, куда легче бесконечно ёрничать и поливать всё грязью. Я попробовал посчитать, сколько раз в различных вариациях «это время» было названо чёрным и мерзким. Уже на третьей сотне я сбился и перестал считать. Я не случайно заговорил об этом — в этом суть всего германовского романа.

Примечательно начало второй части романа: два необразованных сельских алкаша обокрали ферму и идут пропивать комбикорм. Они не могут правильно назвать даже «прогноз погоды», у них он — «гипноз погоды», а школьные «тесты» они путают с «тостами» и с «текстами». При этом у них начинаются глубокомысленные интеллектуальные раз-

говоры. Они рассуждают о текущей жизни, о том, какая замечательная была Советская власть и какая скверная — нынешняя. Они толкуют о нецелевом использовании бюджетных средств, аудиторх Счётной Палаты, об изъянах современного образования и ЕГЭ, о науке и «кутке мозгов», о компьютерах, гениях, их месте в истории, о России, которую «умом не понять». И тут один цинично признаётся: «Я — везучий... воруя, сколько живу... При всех режимах. И ни разу не позорел».

«— Я часто задаю себе вопрос: кто я, почему я такой неудачный? Ведь не лодырь, не алкан, а живу хуже любого папуаса», — вслух задаёт себе вопрос, только что обокравший ферму, алкоголик. — «А чего ж ты хотел? Мы — азиаты», — звучит ответ поделника. — «Ты меня расхохотал, Петраков! А китайцы что, не азиаты?» — парирует первый, и далее вор и алкоголик пространно рассуждает о китайской модели экономики, о китайской истории и культуре. Просто семинар доморощенных интеллектуалов! И вот в этих заданных рамках, сотни раз повторяя одно и то же, автор топчется на месте, не зная, как с него сдвинуться. И в этом, как мне кажется, провальный результат всего произведения.

Автору явно хочется позабавить читателей, сочинив что-то вроде огромного, нескончаемого анекдота. Но анекдоту присуща краткость, которая по Чехову — сестра таланта... Объём романа, видимо, раздут искусственно? Книга под завязку набита пустословием и пустомыслием, видимо, только для того, чтобы соответствовать заявленному на титульном листе жанру и объёму. Но зачем это, если читать в тягость, если всё время хочется взять ручку и начать безжалостно править и сокращать. А процентов семьдесят не мешало бы убрать совсем...

До самого завершения романа, не оставляет надежда, что вот-вот кончится, наконец-то, сильно затянувшаяся прелюдия и начнётся самое главное. Но, увы, в конце — то же самое, что и в начале, середине или на любой странице: ёрничанье и беспричинное зубоскальство:

«Знакомый нам йог-дальнобойщик, мысленно пребывая в позе лотоса, пишет очередное письмо в Страсбургский суд, самый справедливый суд на земле. Ибо кто туда не попадал, живым уже не возвращался. И только многочисленные НЛО... держат постоянно под контролем ситуацию, и готовы... напомнить наивному хуторянину о существовании параллельных... миров, неусыпно ратующих за соблюдение прав человека во всей Галактике...»

Роман, как мне кажется, — всего лишь неумелое копирование современных эстрадных юморесок, которые читают со сцены в «Аншлаге» и других шоу-программах московские юмористы. Единственная цель подобных поделок — повеселить публику и заработать денег. Что ж, каждому своё. Не нужно только путать эти однодневки с настоящей, серьёзной русской литературой. За которую, как и за державу, — ох, как обидно...

После прочтения романа в душе остались только пустота, разочарование и досада — за бесцельно потраченное время. Читать скучно, не интересно, по ходу чтения всё время тянет оставить эту добровольную пытку и заняться чем-нибудь другим, более полезным и плодотворным.

С сожалением приходится констатировать, что книга не состоялась, автору не удалось реализовать свои задумки и подарить читателям полноценный современный роман. Возможно, подарок самому себе, как говорит автор в газете, он и подготовил, но вот такой подарочек получился...

Валерий Матвеев, обозреватель «ДП»

С днем рождения!

ПОЗДРАВЛЯЕМ наших коллег, членов Союза писателей России, Союза российских писателей и членов Литфонда, родившихся в марте:

Кравченко Александра Александровича (12.03.1955);

Лукьянченко Олега Алексеевича (13.03.1948) — с 65-летием!

Чеботникова Виктора Ивановича (17.03.1935);

Волошинову Любовь Феоктистовну (19.03.1952);

Калмацун Валерия Дмитриевича (28.03.1935);

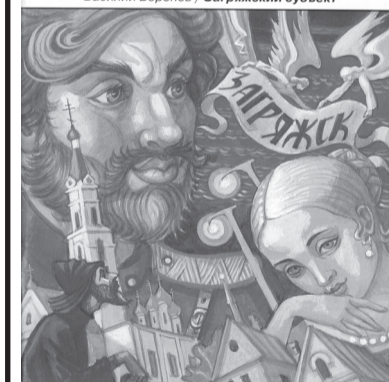
Суцего Сергея Яковлевича (30.03.1960).

Желаем яркого мартовского солнца, чудесной ранней весны, лирического настроения, обновления физических и творческих сил!

Незабытые имена

105 лет со дня рождения.

Закруткин Виталий Александрович (1908 — 1984); член СП СССР с 1945 г. Родился 27 марта 1908 г.

«Загряжский субъект» в «Роман-газете»

Во втором номере журнала «Роман-газета» за 2013 год напечатан роман донского писателя Василия Воронова «Загряжский субъект».

Роман написан в несколько ироничной форме и повествует о современной жизни обитателей небольшого города Загряжска, расположившегося в среднем течении реки Дон, прототином которого могут быть многие небольшие города и станицы Ростовской области.

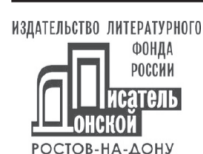
Несмотря на то, что роман уже выходил отдельной книгой, он несомненно вызовет интерес у широкого круга российских читателей.

Вниманию писателей!

Редакция журнала «Дон-н» продолжает приём материалов для публикации. Работы нужно присылать только в электронном виде по адресу: donpisatel@yandex.ru

Редакция

Газета издаётся при поддержке министерства культуры Ростовской области.

Газета писателей Ростовской области

редактор Павел Малов
над выпуском работали:
корректор Е. Симонова
верстка И. Зубкова
художник Н. Коновалова

Номер подписан в печать 25.02.13 г. Тираж 990 экз.

Адрес редакции: 344002, Ростов-на-Дону, ул. Серафимовича, 89/94
т/ф 8 (863)292-78-03; т. 8-918-599-67-51; 8-918-854-80-59;

donpisatel@yandex.ru

распространяется бесплатно

Общественная редакционная коллегия:

А. Резванов — министр культуры РО, А. Береговой, Н. Бусленко, В. Воронов, А. Глазунов, Л. Малюкова, А. Можаяев, И. Сазонова, Г. Студеникина, В. Чеботников, В. Шостко — члены СП России, Н. Скребов — член СРП, Т. Аксенова — ЗО УК Ростова-на-Дону, А. Попова — ЗОМО ЦГБ им. Горького

Номера газеты «Донской писатель» и альманаха «Дон и Кубань» можно прочитать на сайте: www.donlib.ru